

ОЧЕНЬ КЛАССНЫЙ «TALL COOL ONE»

Сиэтл, шт. Вашингтон

март 1958 - октябрь 1960

***«Он играл «Tall Cool One» так здорово,
что могло показаться, как будто он один из
the Fabulous Wailers»***

- Кармен Гауди

ВЕСНОЙ 1958 года, Джими и Эл съехали из общежития и перебрались в двухспальный дом на *Бэйкон Хил* с Корнел и Эрнести Бенсоми. Леона снова отправили в приют, и теперь четверо – Эл, Джими, Корнел и Эрнести – жили в доме на площади не превышающей пятисот квадратных футов (прим. перевод. 46 кв. метра).

Тем не менее, для Джими переезд был передышкой. Проживание на *Бэйкон Хил* держало его отца и вдалеке от *Централ Дистрикт*, и в дали его дружков, зато это было ближе к Хардингам. Он также был снова к Эрнести, которая готовила ему и заботилась о нем. И, естественно, было очень важной составляющей ее блюзовая коллекция. Эрнести даже при случае брала Джими в *Мир музыки Боба Саммерайза*, где разрешала ему выбрать пластинку. *Саммерайз* – это легендарный магазин с широким выбором блюзовых и ритмн-блюзовых исполнителей, здесь были также белый исполнители, хоть и в довольно ограниченном количестве и ассортименте. Саммерайз содержал радио программу, в которой проигрывал популярный на то время материал черных музыкантов, и Джими был его заядлым слушателем.

Этой осенью Джими исполнилось пятнадцать и его музыкальные предпочтения стали более серьезными. Теперь, когда он останавливался у Пернела Александра они крутили записи Эмора Джеймса и подыгрывали на своих гитарах. Через своего друга Пернел достал для них билеты на Литла Ричарда, который вернулся в рок-н-рольные круги. Они смогли проникнуть внутрь перед дневным выступлением и занять места в первом ряду. Во время концерта оба парня были настолько эмоциональны, что когда после концерта друг Пернела взял их с собой за кулисы, Ричард узнал их и похлопал по спине. «Вы те парни, что много танцевали!» – воскликнул Ричард. На следующий день Джими рассказал всему классу, как он повстречался с Литлом Ричардом, однако, мало кто поверил, что он стал таким счастливым. Этой осенью парочка также посетила выступления Билла Доггетта.

Джими никогда не посещал уроков по музыке, а играть мелодии его учили соседские дети, преимущественно Ренди «Бутч» Слипс. Бутч умел играть на гитаре. Держа ее за спиной, имитируя игру Т-Бон Уокера, а также умел подражать невероятной ходьбе по утиному Чака Бери. Джими просиживал в ногах у Бутча днями на пролет наблюдая, и старался представить, как он сам, сможет также привлечь внимание своей игрой.

Обучение различным гитарным штучкам было среди тех немногих вещей, которым Джими обучался, в то время как его успеваемость в школе стремительно падала. Их переезд в дом с Бенсонами означала также и переход в другую школу – его четвертую школу за год. Его аттестат за девятый класс содержал три «С» и пять «D». Среди хороших новостей были те, что он получил всего одну «F» – по иронии судьбы – по музыке. Иногда он приносил гитару в школу, но, по всей видимости, это никак не впечатлило учителя по музыке, которые предложил избрать ему иную карьеру. Очевидно, что провал по музыке – это отражение большой разницы между разницей его музыкальных предпочтений – блюз, ритм-н-блюз, рок-н-ролл – и

теорией музыки, которую преподавали в школе в конце пятидесятых, а не оценкой зарождающегося таланта Джими. Он не вошел в 40 процентов по общегодовым тестам, и его плохие оценки отчасти стали результатом плохого посещения школы. Этой весной он пропустил одиннадцать дней и опаздывал практически во все остальные дни. «Не могу сказать, было ли это результатом семейной ситуации или просто отсутствием интереса к школьному обучению», – вспоминал Джимми Вильямс. «У Джими всегда обладал духом свободы, и школа ему была просто чужда».

Его оценки привели к событию, которое стало для самым позорным за всю его молодость: все дети с которыми он рос в *Эшли Элементарн* пошли в старшие классы. Он же, наоборот, был направлен на повторный девятый класс. Он практически никому об этом не сказал и обманывал, при ответе на вопрос в старшие классы какой школы он ходил. Большинство взрослых в его жизни помнили Джими, как яркого ребенка. На деле, большая часть проблем в школе связана не с ними самим, а с его прогулами.

Часто, когда Джими пропускал школу, он делал обход, как патрульный полицейский. Он непременно останавливался у приюта Леона, останавливался у Пернела, посещал Джимми Вильямса и останавливался у Терри Джонсонов. Из школы он шел домой к Кармен, даже если пропускал школу. Его путь пролегал через дома музыкантов, где он надеялся получить парочку советов игре на гитаре. «В этот период, парни были очень открыты, и могли показать тебе рифы и поделиться травкой», – вспоминает барабанщик Лестер Ексано. «Никто даже и не думал, что бы зарабатывать на музыке, это было скорее вопросом личной гордости поделиться идеями с другими музыкантами». Ексано вспоминал, что любимыми гитаристами Джими в то время были Б.Б. Кинг и Чак Бери.

Была парочка музыкальных семейств значимых не только для Джими, но и для других подрастающих музыкантов по соседству. Семейство Льюис – с клавишником сыном Дейвом Льюисом и отцом Дейвом Льюисом старшим – вдохновило многих. «У них был подвал с фортепьяно и их дверь всегда была открыта», – вспоминает Джимми Огилви. «Дейв старший умел играть на гитаре, но по большей части он был заводилой. Он показывал музыкальные фишки Рэя Чарльза и Квинси Джоунса». Семья Льюис создавала благоприятную среду, в которой дети могли самовыразиться, что было в новинку и носило явно положительный характер». Семейство Холден с сыновьями Роном и Дейвом и главой семейства Оскором, также держалась в схожей манере. Во многих отношениях, эта неформальная школа – школа ритм-н-блюза, которая практиковалась в подвалах и подъездах центрального Сиэтла – стало высшим образованием для Джими.

ДЖИМИ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТНАДЦАТЬ этой осенью и музыка стала очень важна в его жизни. Он набирал опыт игры на своей акустике, однако то чего он хотел больше всего остального, так это была электрогитара. «Он был очарован электрогитарой», – вспоминает Леон. «Он отремонтировал акустику и попытался переделать ее в электрогитару». Эрнести Бенсон, видя возрастающий интерес Джими к музыке, убеждала Элла купить Джими настоящий инструмент.

Проблемы в школе продолжались. Несмотря на то, что Джими остался на второй год, завалив обучение, он изо всех сил старался в этом году. Когда он с Элом в декабре переехали на несколько месяцев пожить с Грэйс и Френком Хетчерами, это обусловило еще один переход в *Вашингтон Джуниор Скул*. При окончании весеннего семестра, Джими снова завалил математику, английский и черчение. Он не мог остаться в этом классе еще на год, и поэтому руководство школы перевело его в старший класс, в надежде, что новая среда обучения подвигнет его на улучшение обучения.

Отец с сыном прожили мало времени с Хетчерами, которые быстро устали от проблем с Элом. «С Элом было очень дискомфортно: выпивка, азартные игры и возвращение домой в любое время», – вспоминал Фрэнк Хетчер. В апреле 1959 они снова переехали, на этот раз в комнату на *Фэст Хилл*. Помещение кишело грызунами, Эл не удосуживался пользоваться ни плитой, ни кухней вообще. Под окнами стояли проститутки. Напротив был центр для несовершеннолетних правонарушителей, который, однако, служил Джими напоминанием, куда он может загреметь.

Несмотря на полную деградацию вокруг, это стало тем местом, где у Джими появилось самый лучший подарок за все его детство – у него появилась первая электрогитара. Постоянное зудение Эрнести Бенсон «принесло Джими гитару», Эл наконец таки поддался и купил инструмент в рассрочку в *Майерз Мьюзик*. Он также купил саксофон для самого себя. Вскоре оба Хендрикса играли вместе. Однако, когда пришло время вносить следующий платеж, Эл вернул духовой инструмент.

Гитарой Джими была *Супро Озарк*. Она была под правую руку, но Джими сразу же перетянул струны под левую; это также означало, что гитарные переключатели также изменили свое местоположение, что усложняло настройку инструмента. Джими тут же набрал Кармен Гауди и радостно прокричал: «У меня есть гитара!»

«У тебя же уже есть гитара», – сказала она.

«Нет, я имею ввиду настоящая гитара!» – пояснил он. Он помчался к ней домой. Когда они гуляли по Мини Парк, Джими буквально прыгал от счастья с гитарой в руках. «Помню», – говорила Кармен – «мы были детьми настолько бедными, которым на Рождество не доставалось даже самого маленького подарочка. Это было, все равно что получить пять рождественских подарков одновременно. Ты никак не мог поучаствовать в этом, но чувствовал вместе с ним тоже счастливым. Думаю, это был самым счастливым днем в его жизни».

В парке Джими пристроился и немного помузицировал, играв то, что выучил на акустике. Уже отрепетировал все эти движения, бесконечно играя на воображаемой гитаре, поэтому он был похож на настоящего гитариста, несмотря на то, что играл он еще плохо. «Я буду твоим первым поклонником», – заявила Кармен.

«Ты на самом деле думаешь, у меня появятся поклонники?» – спросил Джими. Она заверила его, что обязательно будут.

Их отношения уже продвинулись до поцелуев, хотя оба еще только учились этому. После поцелуя, Джими объяснил, какой поцелуй они только что сделали. «Это был французский поцелуй, когда твой язык оказался в моем рту», – сказал он. Она вспоминала эти поцелуи «сочненькими». В этот день в парке Кармен была расстроена тем, что Джими больше был заинтересован гитарой, чем поцелуями. Это, конечно же, сделало его более привлекательным для нее, и вдобавок Джими мог пооттачивать мастерство в своем искусстве.

§

ГИТАРА СТАЛА его жизнью, а его жизнь стала гитарой. С инструментом в руках его следующей целью стало поиск группы. В течении нескольких последующих месяцев Джими играл со всеми соседями, у кого были инструменты. По-большей части это были спонтанное музицирование, и большинство из них были без усилителей, так как у Джими еще не было своего. Было большой удачей, когда один из взрослых музыкантов разрешал ему подключаться к своему усилителю, и он мог погудеть. Ему иногда удавалось проверить усилитель в одном из клубов. У него также не было чехла для гитары, поэтому он иногда носил ее просо в руках, либо в мешке для одежды из химчистки, с которым он был больше похож на бродягу, чем на человека с гитарой. Держа гитару в мешке, он воплощал *Джонни Би Гуд* Чака Бери.

Тогда Джими знал лишь пару рифов и ни одной песни целиком. Кармен Гауди вспоминала, что первой песней, которую он выучил от начала до конца была «Tall Cool One» *The Fabulous Wailers*. Вейлерз были р-н-би ориентированной командой из Такомы, шт. Вашингтон, знаменитая местная группа первая исполнившая безупречно «Луи, Луи».

Вначале Джими разучивал популярные на тот день песни. Частенько он играл с Джимми Вильямсом; Вильямс пел и Джими подыгрывал несколькими простенькими аккордами. «Мы исполняли стандарты», – вспоминал Вильямс. «Было много вещичек Френка Синатры и Дина Мартина. Джими по-настоящему старался добиться нужного ритма в песнях. Он любил Дюана Эдди». Эдди, которые специализировался на веселеньких рокабилли, стал первым настоящим гитарным героем Джими и он быстро разучил *Сорок миль плохой дороги*, *Питер Ган* и

Потому что они молоды. Он так быстро разучивал новые композиции, выучивая ежедневно по одной новой, что Джими Вильямс подшучивал, что Джими был «музыкальным автоматом». Выдавая длинное соло, играя наотрыв, которое было не всегда свойственно даже Дюану Эдди. Тем не менее, рок-н-ролл был не единственным интересом Джими, и Джими Вильямс вспоминает, что любимой песней Джими тем летом была *Из этого сделаны воспоминания* Дина Мартина.

0 сентября 1959 года Джими пошел в десятый класс в *Гардфилд Хай Скул*. Хотя это и стало годом позже, все-таки переход в старшие классы взбодрил его. *Гардфилд*, расположенный в сердце *Централ Дистрикт*, был самой многонациональной старшей школой в Сиэтле и одной из лучших в городе. 50 процентов учеников были белыми, 20 процентов азиатами и 30 процентов черными. Кроме того, она была огромной: 1 688 учеников как и Джими, начали обучение.

Во время первого семестра в *Гардфилд* Джими опоздал 20 раз, а его учеба не показала заметных улучшений. Он был посторонним в классе, как назвал его один из учителей «неученик ученик». Он ходил в школу преимущественно из-за того, что там он мог повстречаться с Джими, Пернелом и своими другими соседскими друзьями. Почти все их разговоры, иногда на задних партах прямо во время уроков, были о музыке. В школе был музыкальный автомат в столовой, и ученикам можно было его включать. Ребята собирали группы, или разговаривали все время о том, что бы их собрать. Большинство соседских групп существовали в свободной форме с постоянно меняющимся составом, в зависимости от того, кто был свободен этим вечером. На втором плане обсуждалось, кто бы мог играть на басу и какие песни могут включены репертуар их следующей группы.

Самым первым выступлением Джими было выступление в подвале *Темпл Де Херш Синаи*, в синагоге Сиэтла. Джими играл с ребятами постарше в группе без названия, и это выступление как раз было прослушиванием для Джими на постоянное место. «Во время выступления в первой части, Джими выделял свои штучки», – вспоминает Кармен Гауди. «Он играл наотрыв, а когда члены группы его представили публике и на него направили прожектор, он пришел в еще большее иступление». После перерыва на сцену группа вернулась без Джими. Гауди забеспокоилась, что может ему стало нехорошо, так как Джими чересчур нервничал перед выступлением, он испугалась, что его могло начать тошнить. Когда она его нашла, он был в переулке за зданием. Он был грустным и, казалось. Был готов заплакать в любой момент. Он сказал Кармен, что его *попросили* после первого отделения – *попросили* из его первой группы во время его первого выступления в профессиональной карьере. Вместо того, что бы пойти домой, он остался в переулке, обсуждая свою незадавшуюся карьеру. Кармен попыталась мягко дать понять, что, возможно, Джими мог бы играть немного более традиционно и не так возбужденно. Услышав это от своей подружки, он обиделся. «Это не в моем стиле», – настаивал он. «Я не могу так играть». Ее основное беспокойство было в его трудоустройстве.

Вскоре после этого отношения Кармен и Джими стали угасать, и даже не из-за их несогласия. Другие ребята стали приглашать Кармен на свидания, и они ее тоже привлекали. «Джими мне действительно нравился», – вспоминала она, «но у других парней были машины и деньги, чтобы меня куда-нибудь сводить». Практически на всех свиданиях с Джими они гуляли по парку; они часто проходили мимо парковок у закусочных, где другие потягивали колу, прижавшись друг к другу на переднем сиденье машины. «Другие парни могли купить мне гамбургер, но у Джими не было ни машины, ни денег на свидание». Они оставались друзьями на протяжении учебы, но их сочные поцелуи вскоре остались лишь в воспоминаниях.

ДЛЯ ДЖИМИ ПЕРВОЙ НАСТОЯЩЕЙ группой станет *Вельветоунз*, группой организованной пианистом Робертом Грином и тенор-саксофоном Лютеров Рабом. «Мы были кучкой подростков», – вспоминает Лютер. «Наш состав менялся множество раз, который включал четыре гитары, двух пианистов, парочку духовых и барабанщика. Это было возвращение в эру *ревю* (прим. перевод. одна из разновидностей музыкального театра), когда каждое выступление содержало танцевальные номера. Мы переодевались и на наших штанах сияли приклеенные к ним блески». *Вельветоунз*, не была группой одного направления. «Большая часть наших композиций были гитарно-клавишные, которые сочетали джаз, блюз и ритм-н-блюз», – говорил Пернел Александр, который играл в группе на гитаре. Список *Вельветоунз* мог включать такие джазовые стандарты, как «После работы» (*After Hours*), и далее песни Дюана Эдди «Предводитель восстания» (*Rebel Rouser*) и «Питер Гун» (*Peter Gunn*). Одной из коронных композиций группы была инструментальная композиция Билла Доггетта «Балаган» (*Honky Tonk*). «Она стала стандартом для Джими», – отмечал Терри Джонсон. Изначально Джими не был лучшим гитаристом в группе, но он становился все лучше день ото дня. Одним из природных даров Джими были пальцы, длиннее обычного, что позволяло ему полностью обхватывать гриф, что было сложно сделать другим гитаристам. Он полностью использовал это преимущество, играя такие ноты, которых не было в оригинальном исполнении. Несмотря на то, что он был только начинающим, иногда игру было сложно слушать, тем не менее, он обращал на себя внимание зала, хотя бы своим поведением.

Одно из прослушиваний обеспечило выступление *Вельветоунз* выступление раз в неделю в будний день в *Бердленд*, легендарный клуб на Мадисон и 22-й Улице. В качестве наемного музыканта, Джими мог без остановки и без оплаты играть с другими группами, и было за счастье получить два доллара за свою игру. Однажды как раз подобным образом, попросив и получив разрешение у Дейва Льюиса, он поиграл, пока сам Льюис со своей группой были на перерыве. Это десятиминутное

выступление дало, по существу, шанс выступить перед толпой и опробовать свои телодвижения без какого-либо риска. Как потом рассказывал Льюис, Джимми зачастую шокировал народ постарше, опытную аудиторию, которую привлекал Льюис: «Он играл как сумасшедший, что люди не могли танцевать. Они стояли, вылупившись на него».

Одним из постоянных выступлений *Вельветоунз* было выступление в пятницу ночью в *Эйслер Турейс Нейбор Хауз*. Выступление в этом месте с целью записаться было вряд ли здоровским, но это давало возможность поэкспериментировать Джимми и ребятам из группы. «Они были как *сок холс* [название неформального танца (прим. перевод.)], и действительно, некоторые могли танцевать но это, но по большей части, вы играли для парней, которые еще были и музыкантами», – вспоминал местный музыкант Джон Хорн. «Они играли ритм-н-блюз и парочку блюзов. На Джими уже можно было посмотреть – сам факт того, что он играл на перевернутой гитаре для правши уже было достойно восхищению».

У Джими до сих пор не было усилителя, он знал, что не стоит просить отца помочь купить его. Несмотря на то, что Эл купил гитару, он очень сожалел о решении сына, полностью посвятить себя музыке. Правда, Эл позже говорил, что поддерживал первые группы Джими, однако, ребята из этих групп, все без исключения, были противоположного мнения. «Джимми хранил гитару дома у Пернеллов, боясь, что дома ее могут разбить», – вспоминал Энтони Асертон из *Вельветоунз*. «Его отец был сильно против всего этого, он не хотел никакой музыки в доме, был против какой-либо игры Джими дома». Боязливые уходы Джими из дому на репетиции или выступления стало ежедневным. Парочка ребят из группы были свидетелями, как прибывая в ярости Эл бил своего сына. «Эл был таким», – говорил Пернелл. «Он был суровым дядькой. Время было такое. Когда не было жены, которую можно было побить, под руку попадались дети. Это было жесткое время, ребята. Это было чрезвычайно жестоко».

Эл бывал дома не часто, но если уж он появлялся тут, то ребята из группы знали, что надо очень осторожно выйти из дому. «Даже будучи подростком, я помню мистера Хендрикса с плохих сторон», – вспоминал Асертон. «Я боялся рева его голоса, и я видел как он относится к своим детям. Кто в этот момент был с инструментом был в опасности. Он предупреждал «Брось эту хрень. Она не принесет тебе работы».

Однажды после выступления в *Бердленд* Джими оставил свою гитару в клубе, рассчитывая на то, что там она будет в большей надежности, чем в собственном доме. Когда на следующий день он вернулся в клуб, то обнаружил, что гитару стащили. «Он был абсолютно разбит», – вспоминал Леон. «Я думаю, что в большей степени он убивался из-за того, как об этом сказать отцу, зная, что получит за это большую взбучку». Казалось, в этот момент, что карьера музыканта для Джими кончена.

§

ОСЕНЬЮ 1959 Джимми начал встречаться с Бетти Джин Морган, с которой он познакомился в школе. Бетти выросла на Юге и имела выраженный акцент – несвойственный для афроамериканцев в Сиэтле. На свиданиях, учитывая, что у Джимми не было денег, как правило, они гуляли по парку *Леши Парк*. Родители Бетти придерживались традиционных взглядов и если Джимми хотел пригласить их дочь на свидание, то он должен был спросить об этом ее отца лично. Джимми нравилась такая формальность. «Он был очень милым», – вспоминала Бетти Джин. «Мои родителям он нравился прежде всего из-за своей вежливости. Моя мама по-настоящему хорошо готовила и он обожал ее». Когда у Джими еще была своя гитара, он играл на крыльце дома Бетти Джин, пытаясь ее впечатлить.

Этой осенью Джими исполнилось восемнадцать. Школьный товарищ Майк Тагава вспоминал, что он все время одевался на год-два устаревшем стиле: «Он одевался, как мы называли *каток*. У него были черные штаны сужающиеся к низу, черно-белая полосатая рубашка с поднятым воротником и ремень шириной пол дюйма пряжкой набок. Он выглядел как показано в фильме Бриолин». Когда Джими наконец получил работу раздатчика газет для Сиэтл Пост-Интеллидженсер, то там он долго не продержался: всего после трех месяцев работы у него практически не брали газеты.

Джими изредка помогал своему отцу подрезать траву и Эл хотел, чтобы тот перенимал опыт и работал вместе с ним. «Если бы Джими усердно работал целый день», – вспоминал Леон, «то он все равно бы зарабатывал один доллар. Но это была тяжелая работа и Джими ее ненавидел». Джимми Вильямс, напротив, работал в бакалее зарабатывая по 15 долларов в неделю, и пробовал устроить Джими сюда же. «Эти деньги могли изменить положение дел в его жизни», – говорил Джимми, однако Эл не разрешил сыну работать там. «Эл постоянно говорил: «Я не позволю что бы из-за работы он пропускал занятия в школе», – вспоминал Вильямс. «Но, конечно же, Джими редко ходил в школу и никогда не учился».

Дружба между соседскими мальчишками начала уменьшаться из-за возраста, работы и переездов в другие районы. Джими оказался на задворках по многим критериям, и даже его отношения с Бетти Джин дошли только до поцелуев. Канун Нового 1959 года он проводил в компании с Джимми Вильямсом играя Дина Мартиновский «Из этого состоят воспоминания». В полночь по телефону он пригласил Бетти Джин к ним, но, несмотря на то, что она жила в паре кварталов, это предложение для нее было несильно романтичным.

Если Джими и спал с кем-либо из девушек в это время, то не гордился или не хвастался этим не перед кем из своих друзей. Джимми Вильямс и Пернал Александр вспоминали вечеринку с ребятами постарше на которой присутствовали и они, где были также и распутные девчонки. Судя по всему, этой ночью у Джими была

возможность лишиться девственности. Пернел всегда был более ушлым, и первым делом при входе на вечеринку он, как будто старший брат, проинструктировал на крыльце Джими и Джимми. «Родители этих девочек уехали, поэтому они устраивают вечеринку, возможно, на всю ночь. Надеюсь, парни, вы знаете, что делать. Спали ли вы с кем-либо прежде?»

Никто из ребят не ответил. Из их молчание ответ был ясен, и их пристальный взгляд широко открытыми глазами говорил об отсутствии подобного опыта. «Ну ладно, тогда просто будьте веселыми», – сказал Пернел и вошел внутрь.

Джими и Джимми не последовали за ним. Они остались на крыльце смотря друг на друга, в поиске мужества. Для них сексуальные отношения были тесно связаны с наставлениями, в которых говорилось, чтобы не допустить беременности. В добавок к страху, парочка их друзей, которые уже стали папами. Несколько раз они уже обсуждали и представляли, насколько усложнятся их и без того тяжелые юношеские будни, если кто-то забеременеет от них. К этому моменту им было по семнадцать, но они были до сих пор просто мальчишками. «Я не могу позволить, что бы кто-то от меня залетел», – переживал Джими. Джимми Вильямс повторял тоже самое. В результате, Джимми встал и пошел прочь. Джими встал и последовал за своим лучшим другом домой, так и не переступив порог дома.

§

В КОНЦЕ КОНЦОВ ДЖИМИ рассказал Эллу о потере гитары, за что получил нотацию о том, что думает о его жизни. Пару недель Джими ходил в школу, как загнанная собака.

До потери Джими начал играть в группе, которая называлась *Роккин Кингз*. Как и *Вельветоунз*, в эту группу входили ребята из старшей школы, однако этим удалось несколько раз отыграть на профессиональной сцене. Хотя в группе и был прекрасный гитарист Джуниор Хит, Джими произвел впечатление на концерте «битва групп» ранней осенью, что позволило занять ему место в группе. «Он казался странным», – вспоминал ударник Лестер Екскано. «Он не курил, он не пил. Он был немного более шальной, чем остальные». За сценой он мог быть незаметным, но позовите его на сцену с усилителем и освещением, он преображался. У *Роккин Кингз* был менеджер Джеймс Томас, который старался пробить им выступление и сделать их выступление более профессиональным. Одни из его условий выступления было требование, чтобы все члены группы выступали в костюмах. На одно из выступлений Джими взял на прокат красный пиджак, и в результате плата за него была выше, чем заработок за концерт. Об этом случае Эл долго вспоминал Джими.

После кражи гитары Джими, он больше не нужен был *Роккин Кингз*, и в конечном счете несколько ребят из группы скинулись и помогли купить ему новый инструмент. Это был белые *Данэлектро Сильвертоун*, купленный в *Сир Ройбок* за 49,95 \$ с усилителем. И как с прежней гитару, эту он также оставлял у кого-нибудь дома, что бы не сердить отца. Джими написал на передней части гитары имя «Бетти Джин» двухдюймовыми буквами. Его тетя Долорес, пояснила, что он бы назвал

гитару «Люсили», в честь матери, если таким образом не назвал свою гитару Би Би Кинг.

Влияние Би Би Кинга попрежнему сохранялось, и, такие композиции, как «У меня блюз каждый день» и «Крутящееся колесо» были часто исполняемыми каверами группы. Сет *Роккин Кингз* мог также включать «*Си Си Райдер*» в версии ритм-н-блюза Чака Виллиса, Хенка Белларда версию «Твист», которая была медленнее версии хита Чабби Чекера, и такие популярные номер, как «Роккин Робин» и «Не хочешь потанцевать», каверы на хиты *Коустерс*, «Черничные поля» Фата Домино, а также почти всегда композиции Дюана Эдди Чака Бери. Группа также играла свои собственные версии местных любимцев «Настроение Девида» и «Луи, Луи». «Мы смешивали, блюз, джаз и рок», – вспоминает Экскано. «Нам надо было играть то, под что люди могли танцевать». В основе композиций был необычный барабанный ритм Экскано, который назывался «грязным битом». «Это была постоянная перетасовку», – поясняет Экскано, – «чтобы под это было легче танцевать. Это был определенно *черный* звук, но наши выступления были смешанными, и сюда заходили все».

В июне 1960 Эл и Джими снова переехали и на этот раз в маленький домик на 2606 Ист Эйслер Вей, всего в нескольких кварталах от школы *Гардфилд Скул*. Джими закончил повторный класс с «В» по искусству, «D» по набору на машинке, «F» по драматическому искусству, мировой истории, физкультуре и абсолютно не ходил, но не провалил, на художественную литературу, труды и Испанский. «Он просто не хотел учиться», – вспоминал Тедди Джонсон. «Как следствие, эти плохие оценки повлияли на его самооценку».

Когда в сентябре снова начались занятия в *Гардфилд*, то Джими ходил туда только первый месяц, но вскоре стало очевидно, что он не закончит школу. Несмотря на несколько предупреждений от руководства школы о том, что его выгонят, он продолжил пропускать занятия, и в конце октября 1960 года он был официально отчислен из рядов школьников *Гардфилд*. В его школьном деле указано «направлен на работу», но у него не было другой работы, кроме как играть на гитаре в *Роккин Кингз*. «Он был настолько далек от окончания школы не из-за оценок или учебы», – вспоминал директор школы Френк Ханавалт. «Он так много пропустил, что закончить ее было просто невозможно. По тем законам, мы не должны держать обучающегося если он регулярно пропускает занятия. Около 10 процентов от общего числа студентов в *Гардфилд* в этом году было исключено из школы».

Через несколько лет. Когда Джими стал знаменит, он насочинял доверчивым журналистам вымышленную историю, как его «вышвырнули» из *Гардфилд* учителя-расисты за то, что видели его держащего *белую* девушку за руку в коридоре школы. Эта история была полной мистификацией: межрасовые отношения не были чем-то выдающимся для этой школы, кроме того, у Джими не было *белой* подружки. Никто, кто учился в *Гардфилд* в этот период, не может вспомнить какую-либо девушку кроме Бетти Джин, с которой бы он встречался. У Джими были теплые дружеские отношения с *белой* девушкой Мери Вилликс из его класса, с которой они разговаривали о НЛО, о бессознательном, реинкарнации. Отношения Джими и Вилликс были платоническими и в дополнение ко всему, это был один из редких случаев в юности Джими, когда он общался с кавказской женщиной. «Ни одна из (*белых*) учениц не знала, что представлял из себя Джими», – вспоминала Вилликс. Хотя, их дружба и была одной из многих, которые водил Джими с

музыкантами всех рас в *Гардфилд* и *Централ Дистрикт* этой осенью, именно эта оставила некий след. «Опыт многонационального общения в *Гардфилд* сохранился с Джими на всю жизнь», – вспоминала Вилликс. Это было по-настоящему особенное место, и это было отмечено всеми». Такая дружелюбность, во многом, основанное на любви к музыке, научило Джими гораздо большему, чем ему дала сама школа.

По его выдуманной истории о том, как его выбросили из школы из-за воображаемой девушки, даже то, что он сидел в школьном коридоре вызывало улыбку у его друзей и одноклассников. Однако абсолютно точным было то, что 31 октября 1960 года, на Хеловин, семнадцатилетний Джими Хендрикс был отчислен.